

**ВСЕСОЮЗНОЕ ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР**

КЕНИГСБЕРГ

**Стенограмма публичной лекции
доктора исторических наук Н. П.
ГРАЦИАНСКОГО, прочитанной
19 сентября 1945 года в Лекционном
зале в Москве**

КЕНИГСБЕРГ

Стенограмма публичной лекции
доктора исторических наук Н. П.
ГРАЦИАНСКОГО, прочитанной
19 сентября 1945 года в Лекционном
зале в Москве

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Кенигсберг — опора немецкого разбоя в Пруссии и Литве. Его история до половины XVII века	3
Русские в Кенигсберге в период Семилетней войны	6
Роль Кенигсберга как очага германской агрессии в XIX веке	10
Падение кенигсбергской торговли и попытки возродить былое значение кенигсбергского порта	13

Редактор А. Л. Минаев.

А 21699.

Тираж 25.000.

Заказ 2235

Типография газеты «Правда» имени Сталина Москва, ул. «Правды», 24.

Постановлением Берлинской конференции трёх держав (17 июля — 2 августа 1945 года) город Кенигсберг с прилегающим к нему районом на восточном берегу Данцигской бухты передан Советскому Союзу. Чтобы понять значение этого акта, необходимо уяснить, что такое Кенигсберг и какую роль он играл на протяжении ряда столетий в системе германской политики на Востоке Европы.

Кенигсберг — опора немецкого разбоя в Пруссии и Литве. Его история до половины XVII века

Кенигсберг возник в половине XIII века как опорный пункт немецкого разбоя в северо-восточной Пруссии. Известно, что в 1230 году, по приглашению польских князей, в область, лежащую между нижними течениями Вислы и Немана, явился для её завоевания Орден тевтонских рыцарей. В 30-х годах тевтоны захватили прусские земли до Фришгафа и Прегеля, в 40-х и начале 50-х годов они подавили восстание покорённых пруссов и к середине 50-х годов перенесли свои хищнические действия за Прегель, на полуостров Замланд и к Неману. Вот здесь как раз и построена была в 1255 году на одном из холмов у реки Прегель, в 8 километрах от впадения её в море, крепость Кенигсберг — основная база господства немцев во вновь завоёванной области Пруссии.

Первоначально крепость была деревянной, но уже через несколько лет вместо неё рыцари построили каменную крепость, которую обнесли валами, рвами и палисадами.

Во время восстания пруссов в 60 и 70-х годах, вызванного кровавыми жестокостями завоевателей, Кенигсберг был одним из немногих опорных пунктов немцев в Пруссии, не попавших в руки восставших. Будучи непосредственно соединён с морем через Прегель, он непрерывно получал материальную помощь из Германии и оказался неприступным для пруссов. После подавления восстания вокруг Кенигсберга тевтонские рыцари воздвигли до самого впадения Прегеля в море целую систему замков, окончательно закрепивших за ними территорию северо-восточной Пруссии. В XIV веке тевтонские рыцари возвели вокруг главного замка каменные стены в 5 футов ширины и 23 фута вышины и увенчали их массивными каменными башнями. Кенигсберг превратился в опорный пункт дальнейшего продвижения немецких хищников за Неман, в глубь Литвы.

Вторжения немцев в Литву начались с конца XIII века и в XIV веке приняли характер ежегодных разбойничьих набегов, участники которых действовали с холодной и зверской жестокостью. С 1312 года в Кенигсберге обосновался «великий маршал» Тевтонского ордена, на обязанности которого лежала организация грабежа и разбоя в прибалтийских землях. Широкое участие в этом принимали рыцари-авантюристы, приезжавшие из Германии и других стран Западной Европы специально для своего рода «охоты» на литовцев.

В обязанность «великого маршала» входили приём этих гостей и снабжение их всем необходимым для похода за Неман.

Так, перед набегом на Литву, предпринятым в 1377 году рыцарями, явившимися из Австрии, «великий маршал» угощал этих авантюристов в Кенигсберге роскошным парадным обедом, во время которого каждое новое блюдо возвещалось звуками труб, а в золотых кубках искрились французские и австрийские вина.

Постепенно под стенами крепости вырос и город Кенигсберг, заселённый выходцами из Германии и вошедший в XIV веке в состав Ганзейского союза. С самого своего основания Кенигсберг стал морским портом, хозяйственное значение которого усиливалось по мере роста могущества Тевтонского ордена. Через него вывозились на Запад продукты орденского хозяйства и грабежа в покорённой Пруссии, главным образом хлеб. Кенигсберг поддерживал сношения с Любеком, фландрским портом Брюгге и Лондоном.

Известно, что разбойничья агрессия Ордена против Польши и Литвы вызвала в конце XIV века объединение для борьбы против него сил польского, литовского и русского народов, наголову разгромивших рыцарей в битве при Грюнвальде в 1410 году и положивших конец их могуществу в Прибалтике. Однако потребовалось ещё целых полстолетия кровавых войн, чтобы окончательно укротить немецкого хищника. С завоеванием в 1457 году поляками столицы Ордена Мариенбурга, где проживал до того времени «великий магистр», местопребыванием магистра и столицей Ордена стал Кенигсберг. С этого времени Кенигсберг никогда не переставал быть главным городом Восточной Пруссии. По второму Торнскому миру 1466 года Орден стал вассалом Польши и удержал в своём владении лишь часть Пруссии. Западная Пруссия с Мариенбургом и Восточное Поморье (Помереллия) отошли к Польше, вследствие чего орденские земли оказались отрезанными от остальной Германии. С тех пор Кенигсберг сделался главным центром деятельности рыцарей, не перестававших мечтать о том, чтобы вновь вернуть себе прежнее, господствующее положение в Пруссии.

После неудачных попыток опереться на саксонских князей для ликвидации последствий Торнского мира тевтоны нашли себе естественного союзника и покровителя в лице княжеской

фамилии Гогенцоллернов, правившей с XV века в другом немецком разбойничьем государстве, Бранденбурге, тоже возникшем на чужой, исконно славянской земле за Эльбой. В 1511 году один из Гогенцоллернов — Альбрехт Бранденбургский — был избран «великим магистром» Ордена и, обосновавшись в Кенигсберге, сразу же затеял войну с Польшей, надеясь на помощь из Германии. Помощь, однако, была оказана в незначительных размерах, и Альбрехт потерпел поражение. В 1525 году Альбрехт принял вероучение Лютера с тем, чтобы секуляризировать Орден, то есть превратить его в светское прусское герцогство. Так земли Ордена стали наследственным достоянием Гогенцоллернов, а тевтонские рыцари превратились в крупных светских помещиков, от которых произошли тупоголовые и алчные прусские юнкеры, носители пруссачества, сосредоточившего в себе все тёмные стороны германской истории: насилие, обман и непомерное чванство. От прусских юнкеров страдали не только негерманские народности, но и германское, прусское крестьянство. Закабалив уже в XVII веке крестьян, помещики-юнкеры забивали и запарывали их до смерти и заставляли работать на себя по семи дней в неделю на барщине. Гогенцоллерны были типичными юнкерами на троне, защищавшими интересы некоронованных юнкеров.

Кенигсберг — столица и местопребывание прусских герцогов — вырос и украсился новыми зданиями. В 1544 году здесь был учреждён университет, особенно прославившийся впоследствии тем, что в нём учился и преподавал знаменитый философ Кант. Основание университета в Кенигсберге было чисто политическим мероприятием: по мысли основателей, он должен был служить оплотом лютеранства в Пруссии и призван был идейно укрепить позицию герцога как протестантского государя, который, прикрываясь лютеранским вероучением, присвоил себе земли Тевтонского ордена.

Гогенцоллерны упорно стремились к тому, чтобы объединить свои бранденбургские и прусские земли в одно государство и освободить последние из-под опеки Польши. Первое они осуществили в 1618 году, когда бранденбургский курфюрст сделался герцогом прусским, а второе — в 1657 году, когда польский король вынужден был заручиться нейтралитетом Гогенцоллернов в шведско-польскую войну ценою отказа от своих суверенных прав в Пруссии. Характерно, что горожане Кенигсберга и рядовое дворянство Восточной Пруссии, боявшиеся засилья юнкерства и полицейской опеки Гогенцоллернов, энергично протестовали против отторжения Восточной Пруссии от Польши. В 1661 году собравшийся в Кенигсберге прусский сейм провозгласил, что Восточная Пруссия «составляет одно целое с польской короной, и связи, соединяющие их в течение столетий, не могут быть расторгнуты». Оспаривая действия польского короля, который санкционировал отделение

Восточной Пруссии от Польши, деятели сейма говорили, что он не имеет права «распределять жителей Пруссии, как какие-нибудь груши или яблоки». Тогда же организовалась в Кенигсберге Лига горожан и дворянства, решивших противиться соединению Пруссии с Бранденбургом силой оружия. Польша, однако, не смогла оказать помощь Лиге, и когда в октябре 1662 года войска Гогенцоллернов подошли к стенам Кенигсберга, город вынужден был капитулировать.

Утратив своё значение столичного города, Кенигсберг всё же продолжал играть первенствующую роль в хозяйственной и политической жизни Восточной Пруссии. В XVII веке неизменно продолжала расти торговля Кенигсберга, и уже в 1623 году через его вспомогательный порт Пиллау было вывезено 500 тысяч шеффелей хлеба. Политическое значение Кенигсберга выражалось, между прочим, в том, что прусские курфюрсты, ставшие с 1701 года королями, короновались не в своей столице — Берлине, — а в Кенигсберге.

События 1661—1662 годов в Кенигсберге свидетельствуют о том, что горожане столицы (так же как и рядовое дворянство) были в то время ещё чужды того немецкого национализма и той хищнической агрессии, которые проводились юнкерами и представителями их интересов — Гогенцоллернами. Политика Гогенцоллернов — это политика хищников без традиций, которые не признавали ничьих прав и никаких обязательств. Организовав большую армию, Гогенцоллерны участвовали во всех тогдашних войнах Европы и перебежали от одной стороны к другой, чтобы урвать возможно больше добычи. Восточная Пруссия, протянувшаяся далеко на восток и, по выражению немецкого националиста Трейчке, «смело врезавшаяся в грязь славянства», стала для них своего рода бастионом, откуда оружие разбойников направлялось в первую очередь в спину Польши. Последняя продолжала владеть частью когда-то захваченных Орденем земель по Нижней Висле и к западу от неё, и эти польские земли создавали чересполосицу в Бранденбургско-Прусском государстве, как бы рассекая его на две части. Польское влияние проникало и в Восточную Пруссию, и восстание в Кенигсберге свидетельствовало о том, насколько могло быть опасно для Гогенцоллернов это влияние. Немецкие хищники ненавидели Польшу и выжидали лишь удобного случая, чтобы снова отнять у неё утраченное наследие тевтонов. Это, однако, произошло лишь во второй половине XVIII века, при Фридрихе II, когда немцы захватили все бывшие владения Ордена и нанесли этим тяжёлый удар Польше.

Русские в Кенигсберге в период Семилетней войны

Известны своеобразные принципы политики Фридриха II, этого «короля-философа», который говорил: «Если вам нравятся чужая провинция и вы имеете достаточно сил, занимайте её

немедленно. Как только вы это сделаете, вы всегда найдёте достаточное количество юристов, которые докажут, что вы имеете все права на занятую территорию».

Однако и Фридрих II добился осуществления своих замыслов не сразу. После разбойничьего захвата австрийской Силезии, которая по своим богатствам стоила всех земель Бранденбургско-Прусского королевства, вместе взятых, ему пришлось иметь дело с русско-франко-австрийской коалицией. Русское правительство, вступая в войну, руководствовалось тем соображением, чтобы «положить достаточные пределы силе такого государя, которого несправедливые замыслы никаких пределов не знают». Говоря другими словами, русское правительство хотело своим вступлением в войну положить конец захватам Фридриха II в Прибалтике.

В январе 1758 года, когда русская армия под предводительством Фермора вступила в Восточную Пруссию, прусский гарнизон Кенигсберга покинул город вместе с высшими чинами управления, а явившаяся 10 января к русскому главнокомандующему депутация жителей Кенигсберга заявила о готовности отдаться под покровительство русской императрицы при условии сохранения городских привилегий.

На другой день русское войско торжественно вступило в город. По свидетельству Болотова, очевидца происходивших тогда в Кенигсберге событий, при въезде главнокомандующего «все жадничали видеть наши войска и самого командира, а как присовокуплялся к тому и звон колоколов... и играно в трубы и в литавры... во всё время шествия, то всё сие придавало оному ещё более пышности и великолепия».

В донесении Фермора на имя императрицы говорится: «Все здешние начальные и чиновные люди встретили меня в замке и отдались с глубочайшей покорностью в протекцию Вашего императорского величества».

Заняв Кенигсберг, русские оккупировали всю Восточную Пруссию и объявили её присоединённой к России в качестве русской провинции. Население, численностью в 521 тысячу человек, принималось в русское подданство и должно было принести присягу на верность императрице. В донесении Фермора от 21 января 1758 года значится: «Гражданские служители все охотно в службе Вашему императорскому величеству быть желают, и генеральную присягу, с которой при сем копия, učinили».

Между прочим, присягнула вся университетская корпорация, и в её составе знаменитый Кант, бывший тогда скромным доцентом университета. Кенигсберг стал русским городом, в котором служили молебствия за здоровье императрицы Елизаветы Петровны и праздновали русские победы над прусским королём торжественными банкетами и иллюминациями. Жители Кенигсберга и всей Восточной Пруссии освобождались русски-

ми от разорительных бедствий войны, тяжёлой прусской рекрутчины и обременительных поборов в пользу Гогенцоллернов. Вот почему широкие слои населения не проявили никакого патриотического чувства. Позднее Фридрих II искренно возмущался таким поведением своих соотечественников.

Провозгласивши свободу религии, торговли и свободу передвижений, русские губернаторы Восточной Пруссии, обосновавшиеся в Кенигсберге, оставили на местах всех прежних чиновников и сохранили всё прежнее управление. Рекрутчины не было, не было тяжёлых натуральных повинностей, налоги были уменьшены. На Кенигсбергском монетном дворе стали чеканить новую, полновесную монету с изображением императрицы. Болотов говорит в своих «Записках», что «деньги наши стали несравненно лучше ходить, нежели те обманные и дурные, какими прусский король отягчал все свои земли».

Спокойствие в новой русской провинции было полное. Армия никаких насилий над жителями не чинила, и население вело себя лояльно, будучи чуждо всяких «продерзостей». Фермор доносил императрице: «Дисциплина как в городе Кенигсберге, так и в земле поныне со всякою строгостью наблюдается... Дворяне и мещане сами отзываются, что в прусском войске такая дисциплина не содержится».

Жизнь в Кенигсберге текла попрежнему, и ярким показателем мирных отношений является бесперебойная работа университета, к которому русские относились очень внимательно. Между прочим, сохранилось «всеподданнейшее прошение» доцента Эммануэля Канта императрице Елизавете, датированное 14 декабря 1758 года. Знаменитый философ всеподданнейше умоляет её императорское величество всемилостивейше назначить его на место ординарного профессора по кафедре логики и метафизики в Кенигсбергском университете. В заключение философ уверяет, что он «готов умереть в своей глубочайшей преданности» императрице. Под прошением имеется подпись «В. и. в. наивернейший раб Эммануэль Кант».

Первые русские губернаторы Кенигсберга — Фермор и Корш — были немцы, собственно больше заботившиеся об удобствах местного населения, нежели о нуждах русской армии. При них часть чиновничества скрывала действительные доходы жителей с целью уменьшения обложения их в пользу русской казны, и вместе с тем нерегулярное поступление налогов вело к накоплению всё новых и новых недоимок.

Третий губернатор Кенигсберга, генерал Суворов, отец А. В. Суворова, заботясь о насущных нуждах русской армии, предложил ввести в Восточной Пруссии рекрутчину и уравнять её, таким образом, в смысле несения воинской повинности со всеми остальными русскими провинциями. В Петербурге, однако, решили заменить рекрутчину денежными повинностями: с каждых 50 душ должно было поступать 200 рублей в ка-

честве уплаты за одного рекрута. Таким путём казна должна была получить полмиллиона рублей. Прусские земские чины протестовали против этого обложения, но их протест был оставлен без последствий. В дальнейшем, однако, по новому ходайтайству земских чинов, обложение за рекрутчину было снижено. С течением времени усиливавшиеся нужды армии заставили требовать новых повинностей с населения при заготовке провианта и фуража и для его транспорта. Дворянство высказывало недовольство этим новшеством, но в общем в провинции Восточной Пруссии продолжалось полное спокойствие.

Кенигсберг, сделавшись русским городом, стал главной базой по снабжению русских войск, действовавших в Померании и Бранденбурге. Здесь были расположены продовольственные и иные склады, куда поступали поставки из России. Часть же необходимых материалов закупалась на месте, к выгоде местного купечества и дворянства.

Оккупация русскими войсками Пруссии встревожила русских союзников в Семилетней войне — Францию и Австрию, которые боялись прусского короля, но в то же время боялись и усиления России. Недовольна была действиями русских и Англия. Английский посланник в Петербурге говорил графу Шувалову, что в случае присоединения Россией Пруссии все государства увидят в этом её намерение захватить в свои руки балтийскую торговлю и через это — торговлю всего севера. Между тем русское правительство не имело намерения удерживать за собой Восточную Пруссию. Провозгласив свои бесспорные права на эту провинцию как завоёванную у неприятеля, который сам объявил России войну, правительство Елизаветы в своём ответе на предложение Франции заключить мир писало 1 февраля 1761 года: «Мы хотим получить эту провинцию вовсе не для распространения и без того обширных границ нашей империи, но единственно для того, чтобы надёжнее утвердить мир, а потом, уступив её Польше, окончить этим многие взаимные претензии, несогласные с истинным нашим желанием ненарушимо сохранить эту республику в тишине и при всех её правах и вольностях». Россия хотела уступить Восточную Пруссию Польше, обменяв её на Курляндию и тем покончив со всеми притязаниями Польши на эту область. Это был очень разумный план, реализация которого утвердила бы позицию России в Прибалтике и освободила бы Польшу от тяготевшей над ней опасности немецкой агрессии. Однако этим планам не суждено было осуществиться вследствие резкой перемены курса русской политики со смертью Елизаветы, последовавшей 25 декабря 1761 года по старому стилю, в тот самый день, когда в Петербург пришло известие о новом блестящем успехе русских войск во владениях прусского короля — взятии Румянцевым крепости Кольберг в Померании. Преемник Елизаветы

Пётр III, ревностный почитатель прусского короля, к величайшему удивлению Фридриха, отказался от всех завоеваний на территории Прусского королевства и распорядился освободить население Восточной Пруссии от присяги на верность русскому императору. Очищение Пруссии, приостановленное вследствие свержения Петра III Екатериной, всё же было выполнено в августе 1762 года. Екатерина, опасавшаяся вести дорогостоящую войну, при шаткости своих прав на престол, не согласилась, вопреки настоянию канцлера Бестужева, продолжать оккупацию Восточной Пруссии и без всяких компенсаций уступила её вместе с Кенигсбергом Фридриху II. Так, с августа 1762 года Кенигсберг после почти пятилетней оккупации его русскими войсками снова стал прусским городом.

Роль Кенигсберга как очага германской агрессии в XIX веке

После этого наступили тяжёлые дни для Польши, которую Фридрих II, не видевший теперь опасности со стороны России, решил «облупить, как кочан капусты, лист за листом», и сумел выполнить своё намерение. В 1772 году произошёл раздел Польши, колоссально увеличивший за счёт старых славянских земель территорию Бранденбургско-Прусского королевства. Естественно, что возвышение Пруссии способствовало росту Кенигсберга и развитию кенигсбергской торговли.

В 1784 году в Пиллау вошло свыше 1960 морских судов, и вывоз хлеба через Кенигсберг достиг в этом году 3 миллионов шэффелей. Война с Наполеоном вызвала упадок Кенигсберга, и после битвы при Фридрианде в 1807 году город был оккупирован французскими войсками маршала Сульта. Сам Наполеон был в Кенигсберге в 1807 и в 1812 годах. Из окон старого Кенигсбергского замка тевтонов он наблюдал шествие солдат своей «великой» армии в Россию.

После падения Наполеона прусское юнкерство, составлявшее своего рода костяк прусского государства, энергично искало расширения поля своей хищнической деятельности, стремясь взять в свои руки руководство общегерманской политикой. При Бисмарке, который советовал чисто по-пруски разрешать все великие вопросы современности «железом и кровью», произошло, как известно, объединение Германии под эгидой Пруссии, и пруссачество стало с тех пор официальной идеологией всей Германской империи. Захватническая политика нарождавшегося германского империализма оформлялась под прямым воздействием средневековой тевтонской традиции, и пруссачество принимало всё более и более разбойничий характер. В Прусско-Германской империи расцвели все отвратительные черты пруссачества: захватнические войны как крайнее проявление насилия, господство военщины, произвол тупого и чванливого юнкерства, гнёт полицейско-чиновничьей вла-

сти. Руководимая хищным прусским юнкерством и воодушевляемая пруссачеством, Германия сделалась очагом постоянной военной опасности в Европе, предметом опасения и ненависти соседних народов. В самой Пруссии Бисмарк усиленно проводил политику онемечения, стремясь искоренить здесь польский язык и польскую национальность, к которой он питал непримиримую ненависть. Бисмарк говорил: «Давите поляков до тех пор, пока они не утратят желания жить... Если мы хотим существовать, мы должны их уничтожить».

Бисмарк запрещал польский язык в школах, принуждал поляков Восточной Пруссии продавать свои земли немцам и просто выгонял их из этой области. После отставки Бисмарка в Германии образовался «Всенемецкий союз», сделавшийся центром пангерманизма и проводивший новые захваты на Востоке в целях создания «Великой Германии». Восточная Пруссия продолжала служить плацдармом против соседней России, и немецкие шовинисты, возглавляемые юнкерством, не переставали мечтать о том, чтобы прибрать к своим рукам разбойничье наследие Ордена меченосцев в Прибалтике. Эту последнюю они считали несправедливо захваченной русскими «немецкой колонией», которую следовало воссоединить с «великим германским отечеством».

В такой обстановке Кенигсберг сделался главным очагом германизации и агрессии. Здесь особенно сказывалось засилие прусского юнкерства и его человеконенавистнической идеологии, направленной против славянства.

А между тем своим быстрым хозяйственным расцветом во второй половине XIX столетия Кенигсберг всецело был обязан связям с Россией. В это время он становится главным транзитным портом, через который идёт вывоз из России сельскохозяйственных продуктов, прежде всего хлеба, пеньки, льна, а также леса. Смыкание железнодорожных и водных путей Восточной Пруссии и царской России способствовало тому, что доставка русского сельскохозяйственного сырья за границу через Кенигсбергский порт стала наиболее удобной и дешевой: вот почему с ним не могли конкурировать русские порты на Балтийском море, к тому же скованные льдом в течение большей части года.

Для русского транзита особенно важной была южнопрусская железная дорога, идущая от Кенигсберга на Белосток и связывающая Восточную Пруссию с Польшей, Белоруссией и Украиной, а также более старая железная дорога — Берлин — Кенигсберг — Эйдукунен — Вильно, — идущая во внутренние области России.

Из водных путей особенное значение приобретал путь через Прегель и Неман, соединяющийся с русскими реками (Припять, Днепр), идущими к Чёрному морю. С 1873 по 1913 год, благо-

даря торговым связям с Россией, общий тоннаж вывозимых через Кенигсбергский порт товаров вырос с 479 тысяч тонн до 1 745 600 тонн в год. Вывозимые через Кенигсберг русские сельскохозяйственные товары составляли перед первой мировой войной около $\frac{3}{4}$ всех вывозимых через этот порт сельскохозяйственных продуктов. При этом лён и пенька шли исключительно из России, а из 600 тысяч тонн хлеба и стручковых около 400 тысяч тонн были русскими. Из 800 тысяч тонн вывозимого леса и лесных материалов больше половины шло из России. Через Кенигсбергский порт, сделавшийся своего рода мостом в торговле России с Германией и вообще с Западной Европой, проходило также большое количество ввозимых в Россию товаров, именно: сельдь, английский уголь, искусственные удобрения. Из 600 тысяч бочек сельдей, ввозимых через Кенигсберг, 400 тысяч бочек шло в Россию, составляя $\frac{1}{5}$ общего потребления Россией сельди. Торговыми договорами с Россией, заключёнными в 1894 и в 1904 годах, немцы добились ряда привилегий для кенигсбергской торговли, и это, конечно, ещё более способствовало её развитию, устраняя конкуренцию русских балтийских портов. Для увеличения пропускной способности кенигсбергской гавани в начале XIX века были проведены большие работы по углублению Кенигсбергского канала, соединяющего его с Пиллау. Эти работы были проведены с тем, чтобы дать возможность проходить в Кенигсберг большим морским судам, с глубокой осадкой.

Массовый приток русских товаров в Кенигсберг стимулировал и развитие кенигсбергской промышленности, особенно пищевой (в частности мукомольной: размол русского зерна на вывоз) и деревообделочной. Кенигсберг перед первой мировой войной становился также важным индустриальным центром, хотя торговое его значение было неизмеримо выше промышленного. И всё же в глазах прусской военщины и германского правительства Кенигсберг прежде всего являлся военным и политическим центром — главной базой для готовившегося вторжения в Россию. Уже в последнюю четверть XIX века город превратился в огромную крепость — лагерь, наполненный многочисленными военными складами — интендантскими, инженерными, артиллерийскими и обозными. Этот лагерь должен был питать германскую армию при её операциях на Востоке и вместе с тем грозить флангу русских войск в случае возможного наступления их из Польши.

Однако в начале первой мировой войны Кенигсберг сам неожиданно для немецкого командования оказался под угрозой захвата его русской армией. В августе 1914 года первая русская армия Ренненкампа, действуя с востока, прошла половину расстояния от Гумбиннена до Кенигсберга, и передовые русские отряды уже показали в окрестностях города, обстреляв его укрепления. Лишь предательское поведение Реннен-

кампфа, не пошедшего на соединение со второй армией генерала Самсонова, не дало возможности русским войскам взять город.

Падение кенигсбергской торговли и попытки возродить былое значение кенигсбергского порта

В период первой мировой войны аппетиты немецких хищников, проникнутых идеями пруссачества и пангерманизма, всё более и более возрастали. В 1918 году, после Брестского мира, торговая палата Кенигсберга обратилась к германскому правительству с требованием о присоединении к Восточной Пруссии территории русской Польши. Эта аннексия, как значилось в меморандуме палаты, совершенно необходима для процветания Восточной Пруссии, но «Польша отделяет её от важнейших областей старой России и своими каналами и железными дорогами господствует над путями на Украину. Экономические сношения с Украиной, утверждение и развитие которых необходимы Восточной Пруссии и от которых зависит преуспевание Кенигсберга, невозможны без обладания польской территорией». Меморандум выражает протест против возможного восстановления Польши как самостоятельного государства. Мотивируется это тем соображением, что если Польша будет восстановлена, она не сохранит дружественных отношений с Германией.

Так немецкие хищники из Кенигсберга, действуя в духе пруссаческих традиций, протягивали свои руки к богатой Украине, пытаясь для непосредственной связи с ней прихватить также и польские земли. Неожиданный для немцев исход войны привёл, как известно, к потере немцами даже и немецкой Польши, и сама Восточная Пруссия с Кенигсбергом оказалась отрезанной от остальной Германии Данцигским коридором. Для Кенигсберга особенно оказалась пагубной потеря русского рынка, в результате чего его торговля катастрофически упала. Советский Союз не граничил с Восточной Пруссией. Изменился самый характер экспорта Советского Союза, и его товары направлялись уже не через Кенигсберг, а через Латвию и Эстонию и через северные порты.

Пала тогда и кенигсбергская промышленность, основанная на привозном русском сырье; переживало упадок и сельское хозяйство, главным образом вследствие недостатка скота как тягловой силы. В 1919 году общий урожай ржи достигал лишь $\frac{2}{3}$ довоенной нормы, урожай яровых — $\frac{1}{2}$, а урожай картофеля — лишь $\frac{1}{3}$ этой нормы. По данным немецкой статистики, урожай хлебов даже в 1930 году не достиг довоенного уровня; одновременно для поголовья рогатого скота в значительной мере недоставало кормов, ранее привозившихся из России.

Потеряв русский рынок и будучи территориально оторванной

от основной Германии, Восточная Пруссия с Кенигсбергом должна была бы установить тесную связь с Польшей и на этой основе строить своё хозяйство. Но этого немецкие хищники, не переставшие мечтать о реванше, как раз и не хотели делать по политическим соображениям. Они никак не хотели мириться с какой бы то ни было зависимостью Восточной Пруссии от соседей и поэтому не заключали торгового договора с Польшей, продолжая поддерживать искусственно хозяйственную связь своей территориально оторванной провинции с основной Германией, попрежнему рассматривая эту провинцию как форпост для новых захватов на Востоке. Торговля Кенигсберга при таких условиях приняла ненормальный характер: потребные для промышленности руда, уголь, цемент вывозились из Западной Германии (нижнерейнских областей), туда же сбывались продукты сельского хозяйства. Издержки по транспортированию этих товаров приводили к тому, что, например, уголь в Кенигсберге стоил вдвое дороже, чем в соседнем Данциге, а сельское хозяйство могло оправдывать себя только благодаря правительственным субсидиям.

Немецко-фашистские националисты привыкли кричать о том, что хозяйство в Восточной Пруссии вообще и в Кенигсберге в частности расстроилось вследствие образования Данцигского коридора. Однако польские экономисты и политики не раз справедливо указывали, что Коридор никогда не мешал торговым связям Восточной Пруссии с остальной Германией, так как германские товары всегда пропускались через этот Коридор беспрепятственно. В действительности не Коридор привёл к упадку хозяйство Восточной Пруссии, а тупое упорство пруссачески настроенного юнкерства, одержимого старинною слепой ненавистью к своим славянским соседям.

При упадке торговли в Кенигсберге производились грандиозные работы по переоборудованию порта. Это делалось, по уверению немцев, для того, чтобы устранить торговую конкуренцию других балтийских портов и вернуть Кенигсбергскому порту его былое значение; в действительности же все эти работы были обусловлены военно-политическими целями: Кенигсберг должен был продолжать служить складочным местом и главным арсеналом при возобновлении немецкой агрессии. Вот почему расширили и углубили (до 8 метров) Кенигсбергский канал, сделав возможным проход через него самых больших (в том числе военных) судов; устроены были вместе с тем огромные помещения для складов разных товаров и зернохранилища.

Между тем морская торговля Кенигсберга, несмотря на организованную в нём с 1920 года так называемую «восточную ярмарку», лишь к 1930 году достигла довоенного уровня и, следовательно, вполне могла обойтись без переоборудования порта. Одновременно с этим переоборудованием расширили и

улучшали подъездные пути к Кенигсбергу и основывали линии воздушных сообщений, для обслуживания которых в Кенигсберге был сооружён воздушный вокзал, один из самых больших в Германии. Немцы пытались развивать и прусскую, в частности кенигсбергскую, промышленность, хотя необходимые предпосылки к её развитию (местная дешёвая руда и уголь) отсутствовали, не говоря уже о малой ёмкости местного рынка.

Вместе с тем Кенигсберг попрежнему сохранял своё значение первоклассной немецкой крепости. Союзники отказались от проектировавшегося одно время уничтожения укреплений Кенигсберга и даже оставили в неприкосновенности его тяжёлую артиллерию. Правда, немецкая армия была сокращена и поставлена под контроль союзнической комиссии, но юнкеры сумели сохранить значительную часть этой армии, укрыв солдат в своих обширных поместьях, где они числились обыкновенными сельскохозяйственными рабочими.

Так Восточная Пруссия и после разгрома немцев в первую мировую войну продолжала оставаться оплотом немецкой агрессии на Востоке. В начале 1932 года представители пруссачества подняли провокационный крик о подготовке польского вторжения в Восточную Пруссию; в связи с этим в Кенигсберге устроено было большое собрание, которое требовало помощи от правительства Гинденбурга. При этом раздавались воинственные речи, направленные против соседей, в первую очередь, конечно, против Польши. Не удивительно, что в такой обстановке гитлеризм уже в начале 30-х годов имел в Пруссии, и в частности в Кенигсберге, шумный успех, поскольку Гитлер заявил, что он намерен продолжать борьбу на Востоке как продолжатель старой политики Тевтонского ордена.

Эта борьба, однако, осложнялась одним крайне неприятным для немецких националистов и фашистов обстоятельством, именно массовым отливом населения Восточной Пруссии на запад. Немецкие фашистские круги стали даже говорить о своего рода *Drang nach Westen* («Натиске на Запад»), противопоставляя его старому *Drang nach Osten* («Натиску на Восток»). Вычислено, что в XIX и в первой трети XX века (до 1933 года) из Восточной Пруссии эмигрировало в Западную Германию около миллиона человек. Это относительно очень большая цифра, если сравнить её с общим количеством населения Восточной Пруссии в 1933 году, равнявшимся приблизительно 2335 тысячам человек, из которых около 300 тысяч составляло население Кенигсберга. Рост населения Восточной Пруссии вследствие такого массового отлива его на сторону шёл крайне медленно, и этим, между прочим, опровергаются все умствования немецких фашистских политиков о недостатке у немцев «жизненного пространства». В Восточной Пруссии это пространство оставалось неиспользованным, так как эта область могла про-

кормить гораздо большее количество населения в сравнении с тем, которое в ней проживало.

Причина массовой эмиграции населения из Восточной Пруссии — господство прусских юнкеров в социально-политических сферах. Население отливало в передовые, индустриальные районы Германии (главным образом в Рейнско-Вестфальский район) в поисках лучших условий существования. Между тем в Восточной Пруссии предпосылки для широкой индустриализации отсутствовали ввиду засилья крупной земельной собственности юнкеров и малой ёмкости внутреннего рынка. Получался какой-то порочный круг в социально-экономической жизни Восточной Пруссии: индустриализация была невозможна без роста внутреннего рынка, связанного с увеличением населения, а увеличение населения было невозможно без индустриализации.

Заправилы германской политики били тревогу, крича о «национальной опасности», и пытались провести ряд мероприятий против отлива населения на запад, совокупность которых известна под именем «Osthilfe», то есть «помощь востоку». На эту помощь ещё до Гитлера было затрачено до 2 миллиардов золотых марок (в период между 1922 и 1931 годами), а между тем ощутительных результатов не получалось. «Osthilfe» выражалась в искусственном насаждении промышленности (прежде всего в Кенигсберге и в других городах), в погашении задолженности сельского хозяйства, в кредитах на общественные работы, в колонизации, связанной с частичной парцелляцией крупных имений. В Кенигсберге, накануне захвата власти гитлеровцами, была выработана широкая программа борьбы с эмиграцией и упадком сельского хозяйства Восточной Пруссии. Она сводилась к широкой индустриализации, которая привлекла бы в эту область массу людей, расширила бы ёмкость внутреннего рынка и увеличила бы потребление сельскохозяйственной продукции. При этом новые фабрики и заводы должны были устраиваться вне городов, при больших водных и сухих путях, с обеспечением рабочих жилищами и наделением их земельными участками. Последнее должно было служить залогом обеспечения рабочих на случай кризиса.

Гитлеровское правительство, в основном принявшее эту программу, дополнило её проектом переселения в Восточную Пруссию полутора миллиона человек, которые должны были усилить «германскую крепость на востоке». При этом гитлеровцы запретили въезд в Восточную Пруссию польским рабочим, которые ежегодно в количестве более 20 тысяч человек приезжали туда на заработки. Гитлеровцы выдвигали также необходимость парцелляции части крупных поместий для наделения землёй местного и пришлого крестьянства. У нас нет точных данных о реализации этих широких планов, но германская статистика населения определённо говорит о том, что они сорва-

лись: население Восточной Пруссии перед второй мировой войной существенно не увеличилось. В то же время известно, что оно продолжало массами отливать в Западную Германию, преимущественно в Рурский район. В основном осталась неприкосновенной и крупная земельная собственность; так, в Кенигсбергском округе, этом гнезде юнкерства, 70⁰ о земель продолжало оставаться в руках помещиков. Что касается промышленности, то в Кенигсберге она значительно выросла при фашистах, но выросла не органически, то есть не в связи с общей хозяйственной конъюнктурой, а под влиянием искусственных мероприятий. Промышленность, насаждавшаяся здесь, служила главным образом военным целям, в связи с усилением подготовки новой агрессии. Это — производство моторов, вагонов, паровозов, судов, а также строительных материалов. Организуя кенигсбергскую промышленность для военных целей, устраивая для тех же целей Кенигсбергский порт, фашисты в то же время продолжали возводить вокруг города новые сложные укрепления. Это те самые укрепления, которые были преодолены и стёрты с лица земли нашей доблестной Красной Армией при взятии Кенигсберга.

Красная Армия уничтожила Кенигсберг как плацдарм германского империализма, и немецкая твердыня на востоке становится русским городом, на этот раз окончательно. Необходимость и справедливость изъятия Кенигсберга из рук немцев диктуется всей предыдущей историей этого города. Всё время его хозяйственная роль отодвигалась на второй план прусско-немецкими хищниками, и он всё время был в первую очередь немецким бастионом для враждебных действий против соседей, орудием нарушения мира. Теперь разбойничья роль Кенигсберга окончилась. В составе Советского Союза он никому не будет грозить и вредить и до конца исчерпает все свои хозяйственные возможности в нашем мирном строительстве. Возможности же эти чрезвычайно велики, особенно в торговом отношении, так как Кенигсберг обладает первоклассной гаванью, связанной кратчайшими и наиболее удобными путями сообщения с советскими гаванями Чёрного моря.

Цена 1 руб. 25 коп